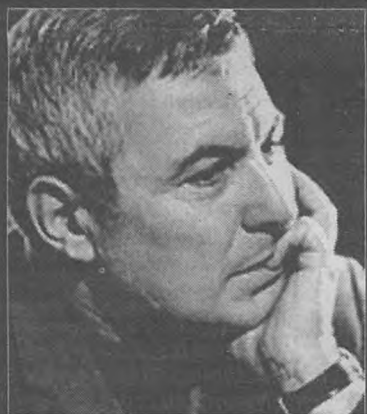

Бой за деревню. 1941

Он не увидел,
как распался
отлакированный
его объективом
советский миф

Бальтерманц Дмитрий
Николаевич
Год рождения: 1912.
Фотохудожник.

В 1938 году окончил
математический
факультет Московского
государственного
университета.

Увлечись фотографией,
через год стал фотокоррес-
пондентом газеты
«Известия».

В годы Великой
Отечественной войны —
сначала военный
корреспондент газеты
«Известия», потом —
корреспондент одной из
армейских газет.
Снимал на разных
фронтах.
Был дважды ранен.

С 1954 года —
сотрудник еженедельного
иллюстрированного журнала
«Огонек»

Дмитрий Бальтерманц ушел в 1990 году — очень неожиданно, словно спеша не увидеть, как рассыпается на осколки отлакированный его объективом советский миф. Болезненной для него могла быть не смерть власти, а конец эпохи, по отношению к которой Бальтерманц был не ле-

санные маслом полотна. А рядом перемазанный, но виртуозно освещенный бакенщик...

Фотограф изобрел собственную формулу соцреализма — репортаж плюс постановочная съемка. На этом пересечении появлялись не колхозники в белых рубашках, а концентрированная жизнь. (Сама жизнь цензуру час-

Геодезисты. 1960-е

ЧЕРНО-БЕЛАЯ СТРАНА

тописцем, а творцом. Созданная им советская история заняла почти два этажа Дома фотографии на Остоженке, но уместить ее целиком было возможно только в памяти нескольких поколений.

Из первой же редакционной командировки — репортажа о вводе войск на Западную Украину — он вернулся штатным фотокором «Известий». Его ждали слава первого объектива страны, обложки «Огонька», признание европейских патриархов вроде Анри Картье-Брессона и Марка Рибу, международные выставки и членство в жюри World press foto.

Но для этого маховик репрессий должен был пройти по касательной. На полосу официальной «Красной звезды» в результате редакционной ошибки вместо победных сталинградских снимков попали съемки пленных под Москвой. Бальтерманца наказали как крайнего: разжаловали в «штрафбат», где «вину» можно было смыть только кровью. Потом «прощение» — работа во фронтовой газете и горькое осознание: двери центральных редакций для него закрыты. Опального фотоко-ра осмелился взять только «Огонек», звездой которого Бальтерманц оставался до конца жизни.

В скудные послевоенные годы «огоньковские» обложки Бальтерманца вырезали и вешали дома вместо картин — не ради идеологической выдержанности, а «для красоты». Парадные портреты Косыгина и Айтматова, Яблочниной и Лихачева — будто не моментальные вспышки магнума, а напи-

то не проходила — ни снимки ставленников с каплями пота на лице, ни ставшие позже знаменитыми «Дороги войны».) Оказывается, черные тучи над трупами в «Горе» — всемирно признанной, вошедшей в хрестоматию фотографии — пустил по небу сам автор, смонтировав два снимка.

Бальтерманц считается одним из первооткрывателей цвета, но его визитная карточка — не красные галстуки, а восковой Сталин в гробу, утопающий в радуге бесстыдно живых цветов. Классик военного фото, он подарил миру не пафос военных парадов, а серию «Как это было» — лица пленных, обнаженную людскую боль, разметающиеся по земле трупы и сутулые спины живых. Фотограф оставил документальные доказательства того, что трагедия войны сильнее гордости за то, что она Отечественная.

Многие снимки Бальтерманца так и оставались в столе. Но правда о нем видится не в историческом тезисе успешной карьеры и не в антитезисе, предлагаемом кураторами выставки, — некоем намеке на скрытый антагонизм с властью. Достаточно взглянуть на фотопортрет самого Бальтерманца в 60-х годах, чтобы понять — перед нами художник. Не придворный угодник, не затравленный диссидент. Седой аристократичный красавец, в глазах которого достоинства больше, чем в обликах всех шести генсеков, ставших героями его труда.

● Наталия САВОСЬКИНА

Никита Сергеевич Хрущев
в Болгарии. 1960-е